

Швагрукова Екатерина Васильевна

В. В. НАБОКОВ И Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ: ИСТОРИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ И ЕЕ РЕЦЕПЦИЯ В НАБОКОВЕДЕНИИ

Статья посвящена актуальной для набоковедения теме "Набоков - Достоевский". Автор демонстрирует дуалистический подход к проблеме: с одной стороны, исследуется творчество В. В. Набокова и эволюция отношения писателя к фигуре и произведениям Ф. М. Достоевского, а с другой стороны, проводится подробный анализ литературоведческих исследований по данному вопросу.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/1/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (12). С. 144-148. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Статья посвящена актуальной для набоковедения теме «Набоков - Достоевский». Автор демонстрирует дуалистический подход к проблеме: с одной стороны, исследуется творчество В. В. Набокова и эволюция отношения писателя к фигуре и произведениям Ф. М. Достоевского, а с другой стороны, проводится подробный анализ литературоведческих исследований по данному вопросу.

Ключевые слова и фразы: Набоков; Достоевский; эволюция; эмиграция; социо-культурный анализ; литературоведческий анализ; рецепция; набоковедение.

Екатерина Васильевна Швагрукова, к. филол. н.
*Кафедра английского языка и бизнес-коммуникации
Томский политехнический университет
shvagrjukova@tpu.ru*

В. В. НАБОКОВ И Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ: ИСТОРИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ И ЕЕ РЕЦЕПЦИЯ В НАБОКОВЕДАНИИ©

Тема «Набоков - Достоевский» занимает особое место в жизни и творчестве В. В. Набокова. На протяжении всего жизненного пути писатель демонстрировал резкое неприятие как личности Достоевского, так и его творчества, что неоднократно было зафиксировано в его публичных высказываниях, интервью, лекциях, а также в его художественных и автобиографических произведениях. На основании данных материалов у литературоведов появилась возможность говорить о полемике младшего из писателей со старшим и рассматривать ее с различных позиций, начиная от констатации самого факта противостояния и заканчивая поиском интертекстуальных связей в произведениях Набокова и Достоевского. Тем не менее, существует необходимость комплексного социокультурного и литературоведческого анализа как произведений Набокова, так и литературоведческих исследований, посвященных данной проблеме, поскольку именно такой анализ позволит создать целостную картину сложного отношения Набокова к Достоевскому.

Негативное отношение Набокова к личности и творчеству Достоевского очевидно и не требует специальных доказательств. В интервью Олвину Тоффлеру в марте 1963 г. Набоков называет Достоевского «журналистом, любящим дешевые эффекты» и «никудышным комедиантом» [13, с. 153]. В «Lectures on Russian Literature» («Лекции по русской литературе») он говорит: «Не скрою, мне страстно хочется Достоевского развенчать» [10, с. 176] и устраивает литературный разгром нескольких текстов писателя. Книга «Преступление и наказание» оказывается «...затянутой, нестерпимо сентиментальной и дурно написанной» [Там же, с. 189], «Записки из подполья» маркируется как «квинтэссенция достоевщины» [Там же, с. 194], содержащая в себе «назойливое повторение слов и фраз, интонацию одержимого навязчивой идеей, стопроцентную банальность каждого слова» [Там же, с. 197]. В романе «Идиот» художественные приемы Достоевского, по мнению Набокова, «...больше смахивают на удары дубинкой вместо легкого касания перстами художника...» [Там же, с. 209], «Бесы» написаны по законам жанра драматургии: «Я еще раз хочу подчеркнуть, что Достоевский обладал скорее талантом драматурга, нежели романиста» [Там же, с. 212], а «Братьев Карамазовых» Набоков рассматривает не более чем «великолепный пример детективного жанра» [Там же, с. 213]. Единственным приемлемым произведением классика Набоков считает «Двойник», однако в одном из поздних интервью он заявляет: «“Двойник” Достоевского - лучшая его вещь, хоть это и очевидное и бессовестное подражание гоголевскому “Носу”» [13, с. 200].

Тем не менее, такое пристальное внимание к наиболее значимым произведениям Достоевского позволяет утверждать, что отношение Набокова к коллеге не было столь однозначно негативным, как декларировал это младший писатель, и существует проблемное поле, требующее тщательного изучения.

Набоков разворачивает с Достоевским обширную, хотя и однонаправленную полемику. Фигура писателя, образы, темы и мотивы его произведений по-разному появляются практически во всех произведениях Набокова: на назывном уровне, как персонажи книг, как пародии, как загадка или игра с читателем.

В поэтическом сборнике «Гроздь» (1922) [12] Набоков публикует стихотворение «Достоевский», где, с нашей точки зрения, иронизирует по поводу пророческого дара писателя, сгущающего краски и не умеющего увидеть красоту мира: «Подумал Бог: ужель возможно, что все дарованное мной так страшно было бы и сложно?» [Там же, с. 86]. Однако существует и другое мнение. Е. Новикова, напротив, усматривает в этом стихотворении религиозно-философскую проблематику теодицеи и находит прямое набоковское указание на Достоевского как на пророка: «...Он предсказал и наметил бедственный век и судьбу художника, распятого между знанием о Всепрощающем и страшной реальностью изгнания» [14, с. 354]. Впоследствии Набоков отказывал Достоевскому в пророческой силе таланта: «Я равнодушен к Достоевскому-пророку» [10, с. 183] и рассматривал его лишь как журналиста.

В книге стихов «Горний путь» (1923) [12] вновь возникает образ Достоевского. Стихотворение «Садом шел Христос с учениками...» имеет посвящение «На годовщину смерти Достоевского» и прочитывается, на

первый взгляд, в логике творчества старшего писателя-классика и в системе его религиозно-философских убеждений, как утверждает К. Жуков [5, с. 133]. Вместе с тем, Б. Тихомиров, подробно проанализировав это стихотворение в статье «Христос Достоевского *versus* Христос Набокова» [21], пришел к выводу, что «Набоков и здесь... выступает как антагонист Достоевского» [Там же, с. 320], а само стихотворение «...едва ли не жестокая пародия на творчество писателя в его самых глубоких основаниях» [Там же, с. 341].

В ряде художественных произведений Набокова Достоевский выступает как персонаж. Это и «Отчаяние», где герой напрямую апеллирует к писателю и его текстам, и «Защита Лужина», где шахматисту запрещают читать книги Достоевского, и «Дар», где в воображаемой беседе Ф. Годунов-Чердынцев защищает классика от собственных нападков, и «Другие берега», где отсылка читателя к Достоевскому обозначает особую историческую или культурную эпоху, и «Look at Harlequins!», где фигурирует книга об этом писателе, написанная вымышленным персонажем.

Исследование творческих отношений Набокова и Достоевского шло по двум хронологическим направлениям: первое направление создали современники Набокова, знакомящиеся с его книгами по мере их появления и комментирующие их в публицистическом стиле. Второе направление в изучении темы «Набоков - Достоевский» обозначилось сравнительно недавно, в начале 1980-х годов, когда эта проблема превратилась в материал для серьезных научных трудов.

Современники Набокова уловили отголоски традиций русской литературы по линии Достоевского в первом же романе молодого писателя. Критик А. (Д. Шаховской) в рецензии на «Машеньку» написал: «Здесь Сиринов отходит от Бунина, за которым следовал в насыщенности описаний, и идет в сторону Достоевского» [1, с. 33]. П. Краснов, высказываясь по поводу «Защиты Лужина», заявил, что Набоков - это «...росток от того корня, что дал нам Толстого, Достоевского и Гончарова» [7, с. 54], а А. Савельев заметил по поводу «Соглядатая»: «Насколько несчастнее герой Сирина подпольного человека Достоевского, с которым у него есть кое-что общее» [18, с. 84].

Вектор понимания был задан критиками верно, однако относительно ранних романов Набокова все ограничилось лишь простой констатацией факта наследования традиций русской классической литературы. Исследователи не разрабатывали вопрос о преемственности Набокова по отношению к Достоевскому, поскольку находились внутри литературного процесса, что существенно мешало объективному взгляду на творчество младшего писателя. К тому же, Набоков активно утверждал собственную независимость от русской литературной традиции и резко реагировал на сопоставление своего творчества с классиками русской литературы (единственным исключением был А. С. Пушкин). З. Шаховская писала: «Достоевский - метафизик бытия, Набоков - метафизик небытия, в каких-то безднах они соприкасаются, но даже и такое соприкосновение при возможном сопоставлении его читателями было Набокову невыносимо» [24, с. 74].

Первый серьезный, хотя и пристрастный, анализ темы «Набоков - Достоевский» появился в статье Ж.-П. Сартра «Владимир Набоков. "Отчаяние"» (1939) [20]. Сартр заявил: «Набоков открыто пользуется приемами Достоевского, но при этом осмеивает их прямо по ходу повествования, превращая в набор обветшалых и неминуемых штампов» [Там же, с. 270]. Сартр воспринял «Отчаяние» как сатиру на Достоевского, в то время как Набоков в «Отчаянии» вступает в прямую полемику с «Преступлением и наказанием», пытаясь художественными средствами опровергнуть тезис Достоевского о необходимости и неизбежности покаяния после совершенного преступления. Набоковский герой Герман Карлович позиционирует убийство Феликса как акт искусства: «О каком-либо раскаянии не может быть никакой речи, - художник не чувствует раскаяния, даже если его произведения не понимают» [11, с. 440-441]. В финале Герман, чувствуя себя загнанным в угол, переживает те же муки, что и Раскольников, однако в отличие от героя Достоевского, он отказывается признать ложность идеи, толкнувшей его на преступление. Он винит себя в невнимательности, в ошибке, забывчивости, но не сомневается в основном замысле преступления.

В последующих русских романах Набокова современники отмечали то или иное присутствие Достоевского, но предметом специального анализа оно не являлось.

В англоязычный период творчества книгой писателя-эмигранта, привлечшей к себе массовое внимание, стала «Lolita», в связи с чем вновь актуализировалась тема «Набоков - Достоевский», а именно - контекст романа «Бесы» и сцена совращения малолетнего ребенка Ставрогиним. Дж. Холландер обнаруживает в тексте «Лолиты» «...тени Ставрогина, Льюиса Кэрролла, императора Тиберия...» [23, с. 269]. Ему вторит Р. Уэст: «Он, русский писатель с глубоким пониманием своей отечественной литературы, не мог бы написать роман о совращении 12-летней девочки взрослым интеллектуалом, не испытывая влияния - причем явно сознательного - той темы романа «Бесы», которую Достоевский сам из книги изъясил» [22, с. 301]. С. Лем указывает не только на типологическое сходство произведений, но и на их коренное различие: «Я буду говорить об отдаленном родстве «Лолиты» с творчеством Достоевского. ...Набоков не желает считаться с условностями, а ...Достоевский творит, просто не замечая их» [8, с. 327-328], т.е. Набоков бросает вызов общественной морали, в то время как Достоевский решает проблему вседозволенности и границ греха.

Рассмотрев творческие связи Набокова с Достоевским в рецепции современников писателя, следует подчеркнуть, что связи эти отчетливо фиксировались читателями, узнавались в набоковских текстах и позволяли критике русской эмиграции «первой волны» и американским исследователям книг Набокова говорить о преемственности Набокова по отношению к русской литературе в целом, и к Достоевскому - в частности.

Профессиональные литературоведческие работы достоевистов и набоковедов на тему «Набоков - Достоевский» появились в России и за рубежом в начале 1980-х годов. Одним из первых исследований в данном

направлении явилась статья С. Давыдова «Dostoevsky and Nabokov: the Morality of Structure in Crime and Punishment and Despair» (1982) [28], где филолог рассматривал семантическую пару «Преступление и наказание» и «Отчаяние». Один из основных выводов С. Давыдова базировался на принципиальном различии религиозного сознания Набокова и Достоевского: «The attitude toward the creator differentiates not only Raskolnikov and Hermann, but also Dostoevsky and Nabokov. While for Dostoevsky art and religion were inseparable, and his own works were fully in the service of his religious faith, for the "pure artist" Nabokov even a remotely religious message in art was unacceptable» [Ibidem, p. 168] («Отношение к создателю различается не только у Раскольникова и Германа, но и у Достоевского и Набокова. В то время как для Достоевского искусство и религия были неразделимы и его собственные произведения находились «на службе» у его веры, для “чистого художника” Набокова даже отдаленное религиозное послание в искусстве было неприемлемо» - перевод мой, Е. Ш.).

В 1999 г. Л. Сараскина опубликовала статью «Набоков, который бранится» [19], где стремилась разрешить вопрос резко негативного отношения Набокова к Достоевскому, небезосновательно считая это отношение эпатажной маской, за которой скрывается использование художественных приемов классика, как то: умение держать читателя в напряжении на протяжении всего повествования, яркость деталей и т.д. Подробно проанализировав «Lectures on Russian Literature», посвященные Достоевскому, Л. Сараскина обнаружила у Набокова, во-первых, «детальное знакомство и многочисленные личные наблюдения над романной техникой, стилистикой, психологической манерой своего антагониста» (*курсив Л. С.*) [Там же, с. 549]. Во-вторых, обращаясь к «Лолите» и «Отчаянию», устанавливая их связь с «Бесами» и «Преступлением и наказанием» и рассматривая эти произведения как вызов на дуэль старшего писателя младшим, она пришла к выводу о том, что «...брань по поводу Д., придирки к «эстетике» были своего рода конспирацией; за позой неприятия скрывалась мучительная зависимость от мира «совершенно безумных персонажей» и их автора» [Там же, с. 568].

Позиция этих первых, подчас достаточно резких и безапелляционных работ была значительно скорректирована и расширена в дальнейших исследованиях по теме «Набоков - Достоевский». В основном, в фокусе внимания оказывались произведения, непосредственно отсылающие к Достоевскому: «Соглядатай», «Отчаяние», «Приглашение на казнь», «Дар», «Лолита». Рассматривались пародийная природа этих текстов, работа художественных приемов, присущих автору, скрытые аллюзии и реминисценции из произведений писателя и др.

В 2001 г. А. Долинин выдвинул интереснейшую и убедительно доказанную гипотезу об эволюции отношения Набокова к Достоевскому. В статье «Набоков, Достоевский и достоевщина» [3] исследователь утверждал, что отношение Набокова к Достоевскому в русскоязычный период его творчества было значительно менее негативным и более конструктивным, нежели в его англоязычный период. Это связано с объективными причинами. В 1920-е - 1930-е гг. В. Сирин «...мыслил себя русским писателем, участником общего эмигрантского дела, миссия которого заключается в том, чтобы сохранить и продолжить наперекор деструктивному «провинциализму» словесности советской главные традиции русской литературы в условиях свободы» [Там же]. Став американским писателем *Vi. Nabokov*, Набоков стремился, во-первых, противостоять поверхностной интеллектуальной моде на произведения Достоевского, а во-вторых, отделял себя от русской литературной традиции, подчеркивая в интервью 1964 г.: «Я не считаю, что какой-то конкретный писатель оказал на меня определяющее влияние» [13, с. 159].

Таким образом, будучи молодым писателем, участвуя в общественной жизни эмиграции, Набоков непосредственно наблюдал процессы, происходившие в русской эмигрантской литературе и культуре. В начале 1930-х годов он выступил с докладом о «Братьях Карамазовых» под названием «Достоевский без достоевщины», где пытался освободить творчество Достоевского от псевдонаучных напластований политики, религиозно-философских измышлений, социальных пророчеств и т.д. Набоков «призвал взглянуть на Д. не как на мыслителя и пророка, а как на художника слова» [3].

В англоязычный период творчества позиция Набокова по отношению к Достоевскому изменилась: при переводе «Отчаяния» на английский язык он ввел в текст «парономастические прозвища Достоевского *dusty* и *dusky* (букв. *пыльный* и *тусклый*)» [Там же], что указывало на перенос внимания с произведений писателя на его личность, причем коннотации, окружающие этот образ, были исключительно негативными.

А. Злочевская в своей книге «Владимир Набоков и русская литература XIX века» [6] наметила несколько путей сопоставления и сближения творчества двух писателей. Она выделила у авторов героев, связанных с темой «нимфетства» («Лолита» Набокова, «Преступление и наказание» и «Бесы» Достоевского), героев «подпольного» типа («Отчаяние» и «Соглядатай» Набокова, «Записки из подполья» Достоевского), тему двоемирия и потусторонности у Набокова («Приглашение на казнь», «Bend Sinister», «Ultima Thule») и мистического реализма у Достоевского («Преступление и наказание», «Идиот»).

Особо А. Злочевская рассмотрела «трагедию жертвы» - Лолиты у Набокова и Матрешы и других девочек у Достоевского. Трагедия оказывается общей для двух писателей: «Как и для Достоевского, для Набокова *растление ребенка* - самый страшный, смертный грех» (*курсив А. З.*) [Там же, с. 120]. Сравнивая мотивы героев, развращающих малолетних детей, исследователь заключает, что если Г.Г. толкает на преступление физиологический изъян, над которым он не властен, то грех Ставрогина - иного свойства: «У Достоевского речь идет об особом наслаждении от пограния святых» [Там же, с. 122]. Однако, несмотря на различие посылов, герои Набокова и Достоевского неизбежно приходят к мысли о самоубийстве либо убийстве того, кто напоминает им о содеянном. «Экзистенциальная первооснова трагедии героев Набокова и Достоевского одна: нарушение нравственного Закона с фатальной неизбежностью влечет за собой бунт божественного

начала в человеке против греха» [Там же, с. 124]. Наказание неминуемо, и неважно - будет ли это правосудие или суд над самим собой.

Интересен подход Е. Новиковой, рассматривающей пару «Набоков - Достоевский» сквозь призму «личного отчаяния» авторов и пережитых ими тяжелых жизненных испытаний - каторгу одного и эмиграцию другого. Анализируя стихи из ранних набоковских сборников, романы «Отчаяние» и «Transparent Things», исследователь постулирует существование «косвенной речи» и «косвенных высказываний» о Достоевском в текстах Набокова. Эти высказывания создают специфический дискурс Достоевского, в рамках которого Набоков решает вопрос о судьбе эмиграции: «Искусство... выродилось у нас... в лечебную лирику. И хотя понятно, что личное отчаяние невольно ищет общего пути для своего облегчения, поэзия тут ни при чем, схи́ма или Сена компетентнее» [14, с. 351]. Естественно, для самого Набокова возможен лишь один выход - искусство, что дает право Е. Новиковой утверждать: «Достоевский для Набокова в эмиграции стал художником, превратившим страшный жизненный опыт «личного отчаяния» в «искусство» и этим необходимый русской эмиграции» [Там же, с. 356].

В статье «Садовая беседка Ф. М. Достоевского и В. В. Набокова» [17] Е. Новикова обнаруживает сходство несовместимых, на первый взгляд, образов садовой беседки у данных авторов. Для Набокова беседка - это символ творчества, сопутствующий писателю всю жизнь. Именно в садовой беседке Набоков встречает свою первую любовь и пишет свое первое стихотворение (см. «Другие берега», «Speak, Memory!»). У Достоевского беседка - это место, где Дмитрий Карамазов караулит свою потенциальную жертву: «Я здесь на секрете и стерегу секрет» [4, с. 113]. Однако сближение становится возможным благодаря искусству: в беседке Дмитрий Карамазов читает Алеше стихи, передающие его душевное состояние. Образ «русских мальчиков в садовой беседке, которые читают и слушают стихи» [17, с. 88], приближает героев Достоевского к автобиографическому герою Набокова. Искусство, в конечном итоге, выступает как сила, нивелирующая неразрешимые противоречия авторов.

Отдельного внимания заслуживает работа О. Меерсон «Набоков - апологет: Защита Лужина или защита Достоевского?» [9]. В этом исследовании автор обращается к практически не используемому в контексте обсуждаемых отношений роману «Защита Лужина». О. Меерсон проводит параллели между героем Набокова Лужиным-шахматистом и героем Достоевского Лужиным-чиновником, выявляя их типологическое сходство: общую фамилию, жениховство, негероичность и т.д. Это намеренное типологическое сходство при массе внешних и внутренних различий исследователь объясняет желанием Набокова «исправить» и оправдать героя Достоевского, получившегося в «Преступлении и наказании» абсолютным, законченным подлецом. По мнению О. Меерсон, исходя из теории М. Бахтина о незавершенности героев Достоевского, может показаться, что «внутренняя суть» Лужина «слишком поверхностно сконструирована по внешним признакам» [Там же, с. 374]. И Набоков, с ее точки зрения, «в претензии к Достоевскому за то, что тот изменил своей достоевской сути: стремлению раскрыть “человека в человеке”» [Там же]. Таким образом, весь роман «Защита Лужина» является «про-достоевским» [Там же, с. 379], хотя и пародийным произведением и выглядит конструктивной полемикой с Достоевским по поводу раскрытия глубин человеческой сущности в человеке, пусть даже самом незаметном.

В целом, исследование, проведенные по проблеме «Набоков - Достоевский», представляют собой богатый научный материал, наглядно демонстрирующий близость творческих исканий двух писателей и намечающий перспективы разработки новых тем (например, юмор Набокова и Достоевского, драматургия Набокова и Достоевского и др.).

Набоков прошел долгий путь от восхищения Достоевским в подростковом возрасте, иронии в юношеские годы, полемизирования на тему художественного метода и приемов и желания исправить автора в своем русскоязычном творчестве до жестко декларируемого неприятия и пародирования классика в свой англоязычный период.

Список литературы

1. А. (Дмитрий Шаховской). Рец. на: Машенька. Берлин: Слово, 1926 // Классик без ретуши: литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 688 с.
2. Анастасьев Н. Феномен Владимира Набокова. М.: Сов. писатель, 1992. 320 с.
3. Долинин А. Набоков, Достоевский и достоевщина // Старое литературное обозрение. 2001. № 1.
4. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: в 2-х т. Новосибирск: Зап.-Сиб. книжное издательство, 1984. Т. 1. 352 с.
5. Жуков К. В. Стихотворение Владимира Набокова «На годовщину смерти Ф. М. Достоевского» // Достоевский и современность: материалы VIII международных старорусских чтений 1993 года. Новгород: Новг. объединенный музей-заповедник, 1994.
6. Злочевская А. В. Художественный мир Владимира Набокова и русская литература XIX века. М.: Изд-во МГУ, 2002. 188 с.
7. Краснов П. Рец. на: Защита Лужина // Классик без ретуши: литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 688 с.
8. Лем С. Лолита, или Ставрогин и Беатриче // Классик без ретуши: литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 688 с.
9. Меерсон О. Набоков-апологет: Защита Лужина или защита Достоевского? // Достоевский и XX век: в 2-х т. / под ред. Т. А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 1. С. 358-382.
10. Набоков В. В. Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 2001. 440 с.
11. Набоков В. В. Собр. соч.: в 4-х т. М.: Правда, 1990. Т. 3. 480 с.
12. Набоков В. В. Стихотворения и поэмы. М.: АСТ, 1997. 592 с.
13. Набоков о Набокове и прочем: интервью, рецензии, эссе. М.: Независимая газета, 2002. 704 с.

14. Новикова Е. Г. В. В. Набоков и Ф. М. Достоевский: дискурс «личного отчаяния» // Достоевский и XX век: в 2-х т. / под ред. Т. А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 1. С. 347-357.
15. Новикова Е. Г. Образ Достоевского в литературе русской эмиграции: проблематика «личного отчаяния» // Достоевский и русское зарубежье XX века / под ред. Жана-Филиппа Жаккара и Ульриха Шмида. СПб., 2008. С. 27-39.
16. Новикова Е. Г. Проблема культурной идентичности в литературе русской эмиграции первой половины XX в.: В. Ф. Ходасевич и В. В. Набоков о Ф. М. Достоевском // Мир и общество в ситуации фронта: проблемы идентичности: европейские исследования в Сибири: мат-лы всероссийской науч. конференции. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 4. С. 162-170.
17. Новикова Е. Г. Садовая беседа Ф. М. Достоевского и В. В. Набокова // Вестник ТГУ. Филология. Томск: Изд-во ТГУ, 2008. № 3 (4). С. 82-88.
18. Савельев А. (Савелий Шерман). Рец. на: Современные записки. Книга 44 // Классик без ретуши: литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 688 с.
19. Сараскина Л. И. Набоков, который бранится // В. В. Набоков: Pro et contra. СПб.: РХГИ, 1999. 976 с.
20. Сартр Ж.-П. Владимир Набоков. «Отчаяние» // В. В. Набоков: Pro et contra. СПб.: РХГИ, 1999. 976 с.
21. Тихомиров Б. Н. Христос Достоевского versus Христос Набокова // Достоевский и XX век: в 2-х т. / под ред. Т. А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 1. С. 320-347.
22. Уэст Р. «Лолита»: трагический роман с ехидной ухмылкой // Классик без ретуши: литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 688 с.
23. Холландер Дж. Гибельное очарование нимфеток // Классик без ретуши: литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 688 с.
24. Шаховская З. А. В поисках Набокова: отражения. М.: Книга, 1991. 319 с.
25. Connolly J. W. Dostoevsky and Vladimir Nabokov: the Case of Despair // Dostoevsky and the Human Condition after a Century / ed. by Alexej Ugrinsky, Frank Lambasa and Valija Ozolins. New York, 1986. P. 155-162.
26. Connolly J. W. Nabokov's Early Fiction: Patterns of Self and Other. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 157 p.
27. Connolly J. W. The Function of Literary Allusion in Nabokov's *Despair* // Slavic and East European Journal. 1982. Vol. 26. № 3.
28. Davydov S. Dostoevsky and Nabokov: the Morality of Structure in *Crime and Punishment* and *Despair* // Dostoevsky Studies. 1982. Vol. 3. P. 157-170.
29. Foster J. B. Nabokov's Art of Memory and European Modernism. Princeton, 1993. 260 p.

**V. V. NABOKOV AND F. M. DOSTOEVSKY:
OPPOSITION HISTORY AND ITS RECEPTION IN NABOKOV STUDIES**

Ekaterina Vasil'evna Shvagruckova, Ph. D. in Philology
Department of English Language and Business Communication
Tomsk Polytechnic University
shvagruckova@tpu.ru

The article is devoted to the theme "Nabokov - Dostoevsky" topical for Nabokov studies. The author demonstrates the dualistic approach to the problem: on the one hand, she researches V. V. Nabokov's creative works and the evolution of the writer's attitude to F. M. Dostoevsky's personality and works, and on the other hand, conducts the detailed analysis of literary researches on this problem.

Key words and phrases: Nabokov; Dostoevsky; evolution; emigration; social-cultural analysis; literary analysis; reception; Nabokov studies.

УДК 8.82-1/9

Рассматривается соотношение утопических и антиутопических мотивов в мировоззрении Джека Лондона. Считается, что американский писатель, равнодушный к социально-утопической прогностике, моделировал художественный социалистический социум как идеал реализации утопии в будущем. В данной статье утверждается, что для Джека Лондона характерны и антиутопические, критические настроения. С этой целью анализируется малоизвестный его роман - «Алая чума». Предлагается и новая точка зрения на хрестоматийное произведение - роман «Железная пята».

Ключевые слова и фразы: утопия; ранняя литературная антиутопия; становление социально-прогностического жанра; специфические характеристики.

Светлана Григорьевна Шишкина, к. филол. н., доцент
Кафедра иностранных языков и лингвистики
Ивановский государственный химико-технологический университет
sgsh52@mail.ru

У ИСТОКОВ ЛИТЕРАТУРНОЙ АНТИУТОПИИ: ДЖЕК ЛОНДОН®

Общепризнанно, что литературная антиутопия оформляется как жанр и приобретает свои специфические характеристики лишь в XX веке. Становление жанра происходит постепенно, параллельно с поступательным движением цивилизации.